

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-4.8>

Кутищев Александр Васильевич

ДЕЗЕРТИРСТВО В ЕВРОПЕЙСКИХ АРМИЯХ В ЭПОХУ ЛЮДОВИКА XIV И ПЕТРА ВЕЛИКОГО

В статье исследуется внутренний мир профессиональных армий XVII-XVIII веков. В центре внимания - дезертирство как неотъемлемое "зло", негативная черта армейского корпоративного сообщества. Вместе с тем оно рассматривается как часть культурно-цивилизационного континуума, в котором отражаются сословная нравственность и национальная ментальность, духовные приоритеты и поведенческие стереотипы, народные традиции и обычаи. Через феномен дезертирства автор сравнивает культурно-ментальную образность российского мира и европейского общества периода позднего феодализма.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2018/4/8.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(90) С. 41-45. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2018/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 9; 93:930.85

Дата поступления рукописи: 14.04.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-4.8>

В статье исследуется внутренний мир профессиональных армий XVII-XVIII веков. В центре внимания – дезертирство как неотъемлемое «зло», негативная черта армейского корпоративного сообщества. Вместе с тем оно рассматривается как часть культурно-цивилизационного континуума, в котором отражаются сословная нравственность и национальная ментальность, духовные приоритеты и поведенческие стереотипы, народные традиции и обычаи. Через феномен дезертирства автор сравнивает культурно-ментальную образность российского мира и европейского общества периода позднего феодализма.

Ключевые слова и фразы: армии позднефеодальной Европы; российская армия; дезертирство; причины дезертирства; ордонансы Людовика XIV; указы Петра Великого; культурный феномен дезертирства; цивилизационные истоки дезертирства; факторы дезертирства.

Кутищев Александр Васильевич, к.и.н., доцент

Уральский государственный университет путей сообщения, г. Екатеринбург

kutishhev@yandex.ru

ДЕЗЕРТИРСТВО В ЕВРОПЕЙСКИХ АРМИЯХ В ЭПОХУ ЛЮДОВИКА XIV И ПЕТРА ВЕЛИКОГО

В XVI-XVII веках европейские армии переживают период глубоких качественных и организационных преобразований. В ходе реформирования они приобретают передовую регулярную организацию и профессиональный уровень подготовки. Формирование регулярных армий становится заметным фактором жизни позднефеодального общества. Наряду с укреплением абсолютизма, бюрократизацией государственного аппарата и становлением европейских наций регулярное войско воспринималось как реальное воплощение развивающейся европейской цивилизации.

Современные профессиональные армии появились из аморфного симбиоза рыцарских ополчений и разношерстных наемных отрядов. Они были более совершенны во всех отношениях: в комплектовании, вооружении, в профессиональной подготовке, обучении и всестороннем обеспечении. Вместе с тем регулярная военная организация имела и свои изъяны, унаследованные и вновь приобретенные, общекультурные и узкопрофессиональные. Среди самых разноплановых дефектов выделялся главный порок – дезертирство. Оно являлось интегральным и сущностным качеством европейской армии, раковой опухолью, порожденной военным прогрессом. С этим неотъемлемым «злом» настойчиво и жестоко боролись короли и военные министры, полководцы и генералы. Но все было тщетно, успех если и достигался, то лишь временно, и на протяжении всей рассматриваемой эпохи проблема дезертирства так и не была решена окончательно.

Дезертирство стало социальным феноменом, возникшим на стыке феодального общества и его армии, характерным как для социальных маргиналов, так и для общественных слоев, вовлеченных в военную службу.

Дезертирство в западноевропейских армиях имело много общего, так как было плотью от плоти одной и той же культуры. Основной чертой дезертирства в XVII-XVIII веках стали его угрожающие масштабы. Бегство солдат из французских, английских, испанских полков порой приобретало действительно массовый характер. Так, во время правления Фридриха-Вильгельма (1713-1740 гг.) из прусской армии дезертировало 36% солдат. Только в одном 1714 г. Пруссия не досчиталась 4 тыс. солдат [17, р. 72]. В период войны за испанское наследство (1702-1714 гг.) из армии Людовика XIV дезертировал каждый четвертый солдат. В XVIII веке французские армии иногда теряли до половины состава, ни разу не встретившись с противником. Более 100 тыс. дезертиров было осуждено французскими военными судами с начала XVIII века и до 1774 года [16, р. 328]. Не лучше обстояли дела и в других армиях. Из пфальцских полков, воевавших в Италии в 1706-1707 гг., дезертировало от 10 до 33% личного состава [21, р. 18-24]. Из саксонской армии в 1717-1728 гг. бежал каждый третий солдат [19, р. 70]. Британская армия в 1755-1757 годах не досчиталась 12,7 тыс. – 18%, а во время войны с США 1774-1780 гг. дезертирство достигло колоссальных масштабов – 24% [22, р. 66, 70]. По некоторым данным, в России в 1718 г. насчитывалось 20 тыс. дезертиров и 45 тыс. уклонистов от набора [17, р. 125].

Вместе с тем дезертирство вызывает интерес не только как военно-профессиональный феномен, но и как специфическое явление феодальной социальной культуры. Попытка исследовать этот военно-корпоративный обычай заставляет углубиться в культурный континуум европейского общества, обратиться к его ценностям, стереотипам, взглядам и привычкам.

Во Франции, например, дезертирство довольно редко объяснялось трусостью или малодушием солдат. Среди военных профессионалов бытовало мнение, что французы – дезертиры по складу своего свободолюбивого ветреного характера. Интересно, что офицеры, обязанные искоренять дезертирство по долгу службы, с пониманием и даже скрытой симпатией относились к беглецам. «Дурак, трус или просто старый дряхлый солдат не осмелятся на побег. Как правило, на это решаются наиболее сильные, проворные, смелые солдаты», – считает один. Ему вторит другой: «Они не оставят полк перед жестокой битвой или в трудные дни осады, но, не задумываясь, пустятся в бег от внезапно возникших осложнений, гонимые безденежьем, изнуренные долгами, озлобленные алчностью офицеров» [16, р. 327].

А. Бабё, А. Корвисье и др. историки французской армии эпохи «старого режима» делают заключение, что потоки беглецов из французских полков усиливались в относительно спокойное мирное время, когда материальное положение солдат ухудшалось. И, наоборот, в суровое военное время дезертирство снижалось до минимума. И официальные цифры подтверждают это. Например, в кампанию 1697 г. из армии маршала Катина дезертировало лишь 99 солдат. Зато после войны за испанское наследство (1702-1714 гг.) только за год, 1716-1717 гг., в этой армии не досчитались 11500 солдат. После подписания Ахенского мира, с 1748 по 1752 год, французская армия потеряла дезертирами 30 тыс. солдат [15, p. 119].

Одной из главных причин дезертирства большинство современников считали злоупотребления и притеснения командиров. Так, военный министр Людовика XIV М. Лувуа с возмущением писал маршалу Люксембургу о 2000 дезертирах из его армии, скрывающихся в Нимвегене, в Нидерландах. В их числе – много сержантов и даже 17 младших офицеров. Все заверяют, что готовы служить королю, но доведены до отчаяния старшими офицерами, которые присваивают себе все деньги, а недовольных жестоко избивают и наказывают [27, p. 58].

Особенно чувствительные потери несли вновь набранные части и рекрутские партии на пути к месту несения службы. Так, полк Гольштейн-Плён, сформированный в Люнебурге, на марше Геттинген – Ульм не досчитался 440 солдат, почти 50% своей численности [20, S. 342]. В 1702 г. из 600 человек, набранных в Брюсселе, по пути следования к месту назначения, в Италию, через Альпы, Лион, Гренобль сбежало 257 рекрутов, почти 43% [18, p. 71]. В 1677 г., во время экспедиции в Сицилию, маршал Вивонэ, достигнув места назначения, констатировал, что из 6900 его солдат дезертировало 4150 [27, p. 57].

Дезертирство в России, особенно среди молодых рекрутов, в целом было сравнимо, если не превосходило, с европейскими масштабами. Так, в 1708 г. из партии в 2500 рекрутов по дороге из Москвы в Витебск бежали 703 [11, с. 16]. В 1714 г. из 27428 рекрутов по пути в действующую армию разбежались 3018 [9, с. 133]. Тем не менее, несмотря на внешнее подобие, «русское» дезертирство имело свои особенности. Например, сказывался природный абсентеизм русских в военной службе, отношение к ней как к трудному государственному «тяглу». Но если это касалось в основном «служилых» сословий, то общенародной культурно-нравственной чертой было устойчивое чувство ненависти к войне. Действительно, отечественный образ войны, реальное воплощение горя, смерти, страдания и разрухи, несколько отличался от европейского. В последнем негативная чувственно-духовная образность ослаблялась, а подчас и подавлялась сословно-дворянской воинственностью, материальной заинтересованностью, долгом, честью, славой, карьерой и т.д. Антимилитаризм православно-русского менталитета рефреном проходит через доклады воевод, генералов, наблюдательных иноземцев.

«Природное отвращение русского простонародья к войне...» отмечает заезжий немец Вебер [8]. На «отсутствие склонности к войне у большинства ваших людей, особенно у грандов и советников...», обращает внимание П. Гордон [5, с. 7]. Воевода Шеин докладывает о массовом бегстве служилых людей из-под Смоленска: «...бегут... не нужно... не хотят Вам, Государем, служить» [3, т. 1, с. 516]. Военным и дипломатам вторит архидьякон Павел Алеппский: «Война считалась на Руси также одним из тяжелых бедствий и испытаний, посылаемых Богом человеку» [Цит. по: 1, с. 141].

Следует учесть и традиционные устои русского мира, который в начале XVIII века становится тоталитарным контролируемым обществом, гипертрофированным воплощением исконно русской идеи о всенародном служении. В России не было иной возможности комплектовать регулярную армию, кроме принудительного рекрутского набора. Комплектование по-европейски, на принципе добровольности, закончилось фиаско: поток «вольницы» иссяк в первые годы Северной войны (1700-1721 гг.). Пришлось прибегать к ежегодным насильственным наборам, что, естественно, вызывало недовольство, пассивный протест, часто заканчивающийся массовым бегством. Тяжелая рекрутская повинность, пожизненная ратная служба тяжким бременем легла на плечи русского крестьянства.

Английский посланник Витворт доносил: «Из 30 тыс. драгун осталось 16 тыс.: рекруты набирались силою, а потому множество солдат бежало, например, из одного драгунского полка, недавно отправленного отсюда (из Москвы. – А. К.), в Петербург убежало 700 человек... из одиннадцати пехотных полков, расположенных здесь (в Москве. – А. К.), разве найдется один, который потерял бы менее 200 человек, хотя еще два месяца тому назад они доведены были до полного комплекта» [7, с. 441].

Природный абсентеизм усугублялся безнадежной перспективой полуголодного нищенского прозябания в полках, страхом суровой дисциплины и произволом офицеров: «...рекрутов страшила перспектива пожизненной службы и бесчеловечное отношение к ним во время наборов...» [4, с. 30].

Сам Петр вынужден был вникать в порядок рекрутских наборов: «...когда в губерниях рекрут зберут, то сначала из домов их ведут скованных, а приведючи в город, держат в великой тесноте и по тюрьмам и острогам не по малу времени и таким образом еще на месте изнузив... К тому же поведут, упуская удобное время, жестоко распутицей, от чего в дороге приключаются многие болезни и помирают безвременно... другие же, не стерпя великой нужды, бегут...» [14, д. 1/76, л. 250-251].

Вообще, сами понятия «рекрутина», «солдатчина» – устойчивые образы русского народного менталитета – уже несут на себе оттенки горечи и страданий, преодоления и долготерпения. Так и дезертирство – лишь звено в цепи тягот и лишений русского крестьянина. И окрашено оно в отечественном самосознании в строгие цвета беспросветного страдания и смиренного терпения.

Русские служилые люди толпами бежали со службы «от голоду», «от скудности» [3, т. 2, с. 543, 552, 554]. Часто в докладах воевод звучит причина – «для своей бедности... да многие в сотенных сотнях пеши... бесконны» [Там же, т. 3, с. 65, 68-69, 103-104].

Беглый стрелец Архип Юрьев на следствии показал, что бежал из Киева в 1704 г. из-за голода, так как месячного жалования, 2 алтына, на питание не хватало. То же самое подтвердили беглые стрельцы И. Григорьев, И. Евтеев и другие, которым денег на пропитание вообще не выдавалось [13, кн. 56, л. 61 – 64 об.]. Из команды в составе 90 солдат, направленных в Верею «для сыска воров», из-за голода бежало 23 [6, с. 181-183].

Боль и горечь сквозит в строках публициста и литератора И. Посошкова, очевидца тех событий: «...слышно, еже иным и по 10 алтын в месяц не приходит, то чем ему прониматися, где ему взять шубу и иные потребности, и харчу на что купить? И в такой скудности будучи, как ему не своровать и как ему из службы не бежать? Нужда пригонит к побегу, а иной и изменить будет готов» [12, с. 50].

Покорность и смиренность уравнивались стойкостью, выносливостью и природным даром не падать духом и не унывать. Если солдат не убежал сразу, он постепенно привыкал к суровым условиям службы, обживался в непривычной для крестьянина обстановке и стойчески тянул трудную солдатскую ляжку. В действующей армии число побегов было сравнительно невелико. Так, по ведомости Преображенского полка за 1704, 1705 и 1706 гг., бежавшие и не явившиеся к сроку нижние чины составили лишь 5% [2, с. 73-74]. В суровом финляндском походе зимой 1713 г. в армии П. Апраксина (18 пехотных и драгунских полков) насчитали только 40 беглых [10, с. 290].

В иной культурно-нравственной атмосфере служил, воевал и дезертировал европейский солдат. Формально рекрут должен был поступать на службу короля добровольно, чего сам Людовик XIV строго требовал от военных командиров: «...всем полковникам и капитанам... запрещается набирать солдат, драгун и кавалеристов против их воли» под угрозой штрафа и даже тюремного заключения [29, р. 220]. Строгие ордонансы переиздавались регулярно, хотя их часто и нарушали, прибегая к обману, мошенничеству или к откровенному насилию и т.д. Срок контракта составлял от 3 до 6 лет, а не пожизненно, как в России. Уже эти особенности создавали совершенно иную нравственно-ментальную атмосферу вокруг молодого солдата. Строгость воинской дисциплины и всякого рода злоупотребления также угнетали его, вызывая в нем протест и желание бежать. Но усталость, обида, разочарование часто уступали место иным, возможно, более сильным настроениям. В армии царил общая атмосфера предприимчивости и коммерциализации. Военное дело на Западе еще долго оставалось разделенным между государственным ведомством и частным интересом. Например, военная система Людовика XIV, считающаяся передовой в Европе второй половины XVII века, являлась типичным бизнес-проектом командиров и военачальников. Полки и роты были частной собственностью своих командиров, которые, естественно, пытались извлечь из них максимальный доход, не всегда законный. Они удерживали денежное содержание солдат, облагали их всевозможными штрафами, экономили на обмундировании, цинично торговали своими солдатами, предоставляли их в долг и даже продавали в соседние полки, завышали численный состав в надежде нажиться на разнице финансирования.

От офицеров не отставали и предприимчивые солдаты. Наиболее распространенным бизнесом стало дезертирство, или “rouleurs”. Бывалый солдат подписывал контракт с вербовщиком с единственной целью – получить задаток, после чего его интерес к службе исчезал. Он убегал, чтобы проделать подобную штуку с вербовщиком другого полка, тем более что недостатка в таковых в преддверии очередной войны не было. Определенная, и немалая, часть солдатского состава сделала это своим профессиональным занятием, кочуя из полка в полк, из армии – в армию. Некоторым, наиболее ловким “rouleurs”, удавалось по 15-20 раз менять места службы, каждый раз получая солидные бонусы [17, р. 126-127]. Даже офицеры не гнушались этим грязным бизнесом, за определенную мзду потворствовали солдатам, предоставляли им незаконные отпуска, прикрывали их в случае задержания. По мнению А. Корвисье, «фактически дезертиры не были потеряны для армии, а само массовое дезертирство часто являлось обыкновенным мошенничеством военных». По его подсчетам, примерно 10% всех рекрутов французской армии XVII-XVIII веков были профессиональными “rouleurs” или “billardeurs” [19, р. 71].

В 1746 г. перед судом предстал дезертир, уроженец Люксембурга, который начал службу в одном из германских пехотных полков, где пробыл два года, затем дезертировал в имперскую армию, год служил в Вене, опять дезертировал, поступил в полк князя Линя, там продержался два года, после чего покинул и его, на этот раз завербовался во французскую армию, откуда вскоре также бежал [16, р. 345-346].

Ветеран французской службы Де ла Колони во время войны за испанское наследство (1701-1714 гг.) командовал гренадерским полком в баварской армии, почти полностью укомплектованным дезертирами из имперской армии. Он вспоминал, что самый приличный из его солдат не менее 10 раз менял монархов, которым служил, и что он не видит возможности положить конец этому постыдному обычаю [30, р. 272]. Рядовой английской гвардии Тейлор, представший перед военным трибуналом в 1705 г., признался, что за год скопил 60 фунтов, поступая рекрутом в различные части [28, р. 296].

Этой болезнью были поражены армии с преобладанием антрепренерства и относительной свободой комплектования: в Англии, Франции, Австрии, Испании, Савойе, Голландии, западногерманских княжествах. Несколько по иному обстояли дела в Пруссии, где государство практически вытеснило антрепренерство. Прусские вербовщики радужно принимали дезертиров всех армий. Из 111 иностранцев, служивших в одной роте пехотного полка Ротберга в 1744 г., 65 ранее служили «другому potentату», в другой роте из 119 иностранцев таковых насчитывалось 92. На три четверти иностранцы были дезертирами, добровольными или переманенными прусскими агентами [23]. Перебегать из полка в полк было практически невозможно, поэтому прусские солдаты предпочитали дезертировать к противнику, в австрийскую, французскую и др. армии.

Дезертирство у англичан имело свои особенные черты. Сказывалось более стабильное финансовое положение страны, что отражалось на сносном обеспечении и регулярном финансировании армии. Британцы, оказавшиеся во Фландрии под знаменами герцога Мальборо, все же ощущали себя чужаками среди враждебного населения, что, несомненно, ограничивало дезертирство. Бежать на родину через Северное море или Ла-Манш было делом трудновыполнимым. Еще проблематичнее было бежать из Испании, где британцы также вели активные боевые действия. Поэтому масштабные побег из армии, судя по признаниям очевидцев, встречались реже, чем у их противников, французов. Зато у себя дома, в «туманном Альбионе», дезертирство процветало, как и в других европейских странах. Массовые побег буквально опустошали армию. Из 13 полков, расквартированных в Англии в период правления королевы Анны, лишь немногие были боеспособны из-за массового дезертирства солдат [28, р. 293]. Первопричиной дезертирства считались необузданность и распущенность самих солдат, подстрекательство смутьянов разного рода, особенно женщин сомнительного поведения. Среди иных причин – «несовершенство законодательства», «равнодушие, лень, небрежность и попустительство полкового командования... ненасытная алчность» укрывателей беглецов [Ibidem, р. 294].

Дезертирство на Западе процветало не только из-за суровой дисциплины, злоупотреблений начальства или коммерческой жилки солдат и офицеров. Спецификой западноевропейских регулярных армий эпохи являлось их комплектование из разноплеменного сброда, собранного на время и по случаю очередной войны. Полки и батальоны не были сплочены ни национальной принадлежностью, ни единым духовно-религиозным чувством. Солдат удерживали у полкового знамени лишь срочный контракт и суровая дисциплина, ну, возможно, еще и профессиональное чувство долга. В трудных военных ситуациях этими условиями можно было и пренебречь. Подобные обстоятельства открывали широкие возможности для перевербовки солдат, массового дезертирства и перехода на сторону противника. Так, в 1708 г., осаждая Гент, Мальборо разворачивает настоящую подрывную пропаганду среди валлонских и испанских солдат вражеского гарнизона: «Я обязал их (духовенство, магистрат, бюргерские и купеческие коммуны) разъяснять солдатам... что, если они... перейдут к нам, они могут быть уверены, что всем будет гарантировано зачисление в службу Ее Величества с сохранением всех льгот и условий» [24, р. 362]. Как правило, пропаганда англичан имела успех.

В 1709 г. у Мальборо было столько желающих поступить на службу из числа дезертиров, что он не был в состоянии оформить всех, «так как не имели ни единого свободного фартинга на эти цели, разве что голландцы уговорили некоторых дезертиров завербоваться в Вест-Индию» [25, р. 514-515]. В июне 1711 г. Мальборо согласовывал с Лондоном условия комплектования 11 рот из французских дезертиров [26, р. 374-376].

По словам того же Мальборо, большая часть испанской пехоты Карла Габсбурга состояла из французских перебежчиков [28, р. 395]. Там же, в Испании, на английской стороне воевало два кавалерийских полка, набранных из дезертиров [Ibidem, р. 287]. Группы перебежчиков-офицеров: одна в 1704 г. из 100 человек была направлена в действующую армию в Каталонию, другая в 1711 г. из 24 офицеров – во Фландрию [Ibidem, р. 306-307].

Дезертирство являлось типичной армейской реальностью, частью обыденной жизни феодальной и постфеодальной Европы. Но недостаточно оценивать этот феномен исключительно с узкой военно-профессиональной точки зрения. Лишь внешне дезертирство – это непосредственная реакция маргинальных представителей общества на суровую армейскую реальность. Более пристальное внимание к феномену дезертирства позволяет судить о нем как об атрибутивном факторе европейского социума на этапе становления новой прогрессивной эпохи. В нем, как в зеркале, отражалась вся многогранность культурно-цивилизационного континуума с традиционностью культуры, с ментальной самобытностью, с ценностями системами и поведенческими стереотипами. Интерес к феномену дезертирства, как и военного абсентеизма, раскрывает общее и особенное в культурных кодах западноевропейской и русской цивилизации, предлагает новые оригинальные взгляды на историю культуры и общества.

Список источников

1. **Аболенский И.** Московское государство при царе Алексее Михайловиче и патриархе Никоне по запискам архидьякона Павла Алеппского. К., 1876. 210 с.
2. **Азанчевский М. П.** История Лейб-гвардии Преображенского полка. М.: Тип. Каткова, 1859. 396 с.
3. **Акты Московского государства:** в 3-х т. СПб.: Тип. Императорской АН, 1890-1901. Т. 1 / под ред. Н. А. Попова. 802 с.; Т. 2 / под ред. Н. А. Попова. 819 с.; Т. 3 / под ред. Д. Я. Самоквасова. 705 с.
4. **Бескровный Л. Г.** Русская армия и флот в XVIII веке. М.: Воениздат, 1958. 662 с.
5. **Гордон П.** Дневник 1684-1689 гг. М.: Наука, 2009. 339 с.
6. **Доклады и приговоры, состоявшиеся в правительствующем Сенате в царствование Петра Великого:** в 6-ти т. СПб.: Тип. Императорской АН, 1883. Т. 3. 1162 с.
7. **Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Витворта с 1704 г. по 1708 г.** // Сборник Императорского исторического общества: в 148-ми т. СПб.: Тип. Императорской АН, 1884. Т. 39. С. 13-477.
8. **Записки о Петре Великом и его царствовании Брауншвейгского резидента Вебера** // Русский архив. М.: Тип. Грачёва, 1872. № 6. С. 103-158.
9. **Миллюков П. Н.** Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. 688 с.
10. **Мышлаевский А. З.** Петр Великий. Война в Финляндии в 1712-1714 годах. СПб.: Издание военно-учетного комитета ГШ, 1893. 494 с.
11. **Письма к Петру Великому Б. П. Шереметева:** в 4-х ч. М., 1778. Ч. II. 384 с.

12. **Посошков И. Т.** Книга о скудности и богатстве. М., 1951. 410 с.
13. **Российский государственный архив древних актов (РГАДА).** Разрядный приказ. Дела разрядные.
14. **Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).** Ф. ВУА. Оп. 1. Св. 126.
15. **Arganson De.** Mémoires / ed. Lanet: en 4 v. P., 1755. V. IV. 768 p.
16. **Babeau A.** La vie militaire sous l'ancien régime. Les soldats. P., 1898. 385 p.
17. **Brewer J.** The Sinews of Power: War, Money and the English State 1688-1783. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1990. 298 p.
18. **Childs J.** Armies and warfare in Europe 1648-1789. Manchester: Manchester University Press, 1992. 319 p.
19. **Corvisier A.** Armies and Societies in Europe, 1494-1789. Bloomington – L.: Indiana University Press, 1979. 209 p.
20. **Feldzuge des Prinzen Eugen von Savoyen:** in 13 Bd. Wien, 1887. Bd. III. 1140 S.
21. **Golberg C.-P., Hall R.** The army of the Electorate Palatine under Elector Johan Wilhelm 1690-1716. The Pike and Shot Society, 2004. 163 p.
22. **Harris N.** The Return of Cosmopolitan Capital Globalisation, the State and Ware. I. B. Taurus & Co., Ltd., 2003. 235 p.
23. <http://militera.lib.ru/science/svechin2a/10.html> (дата обращения: 19.03.2018).
24. **Letters and dispatches of John Churchill, First Duke of Marlborough:** in 5 vol. / ed. by G. Murray. L., 1845. Vol. 2. 728 p.
25. **Letters and dispatches of John Churchill, First Duke of Marlborough:** in 5 vol. / ed. by G. Murray. L., 1845. Vol. 4. 730 p.
26. **Letters and dispatches of John Churchill, First Duke of Marlborough:** in 5 vol. / ed. by G. Murray. L., 1845. Vol. 5. 776 p.
27. **Mention L.** L'Armée de l'ancien régime. P., 1900. 332 p.
28. **Scouller R. E.** The armies of Queen Anne. Oxford: Clarendon Press, 1966. 420 p.
29. **Sparre.** Code militaire ou compilation des reglemens et ordonances de Louis XIV: en 10 v. P., 1707. V. 8. 220 p.
30. **The Chronicles of an Old Campaigner M. De La Colonie 1692-1717.** L., 1904. 523 p.

DESERTION IN THE EUROPEAN ARMIES IN THE AGE OF LOUIS XIV AND PETER THE GREAT

Kutishchev Aleksandr Vasil'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Ural State University of Railway Transport, Yekaterinburg
kutishhev@yandex.ru

The article studies the inner world of the professional armies of the XVII-XVIII centuries. The focus is on desertion as inherent "evil", a negative feature of the army corporate community. At the same time, it is viewed as a part of the cultural and civilizational continuum, which reflects class morality and national mentality, spiritual priorities and behavioral stereotypes, folk traditions and customs. Through the phenomenon of desertion, the author compares the cultural and mental imagery of the Russian world and the European society in the period of late feudalism.

Key words and phrases: armies of late feudal Europe; the Russian army; desertion; reasons for desertion; ordinances of Louis XIV; decrees of Peter the Great; cultural phenomenon of desertion; civilization origins of desertion; factors of desertion.

УДК 94(470.62/67)

Дата поступления рукописи: 25.03.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-4.9>

В статье анализируются особенности взаимоотношений российских властей и кабардинской знати в период командования на Кавказе генерала П. Д. Цицианова (1802-1806 гг.) в контексте противоречий между субъектами взаимодействия, которые складывались на протяжении второй половины XVIII в. и определялись как внешнеполитическими, так и региональными факторами и обстоятельствами. Дается характеристика шариатского движения в Кабарде и анализируется степень перспективности введения элементов российского государственного управления горцами. Исследуются подходы П. Д. Цицианова к разрешению проблемы стабилизации обстановки в Кабарде в имевшей место динамике.

Ключевые слова и фразы: российско-горское взаимодействие; исламизация горцев; шариатское движение; социокультурные традиции; подданнические присяги; набеговая экспансия; интегрирование горцев в российскую государственную систему; российский Северный Кавказ; П. Д. Цицианов.

Манаков Павел Владимирович

Армавирский государственный педагогический университет
pv-manakov@mail.ru

ДИНАМИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГЕНЕРАЛА П. Д. ЦИЦИАНОВА В КАБАРДЕ В КОНТЕКСТЕ ТЕНДЕНЦИЙ И ПРОТИВОРЕЧИЙ В РОССИЙСКО-КАБАРДИНСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX В.

В современном отечественном кавказоведении по-прежнему остается дискуссионной проблематика включения северокавказских народов в состав Российского государства, этапов, методов, достижений и противоречий данного длительного и многофакторного процесса. В настоящее время, по прошествии начавшегося на рубеже 80-х – 90-х гг. XX в. периода довольно откровенной, политизированной демонизации значительной частью региональных историков политики России на Кавказе, совпавшего с развалом Советского Союза и опасными центробежными тенденциями в северокавказских субъектах Российской Федерации, в ряде исследований